

На переломе веков многие обольстились толстовством, следовательно, было в нашем народе достаточно и атеизма, и суеверия, значит, была в душах опорочена вера — причины были и есть, они разные, они — ложь. И где ложь, там и борьба за души людские, борьба в сердце человеческом. Мы и сегодня нередко чувствуем, что нет сил жить: давит, гнетет, теснит из жизни — **это враг**. И уж здесь никакое оружие не поможет. Можно лишь отстраниться от давящей силы и возвыситься до христианского единомыслия — и тогда уже будет вытесняться враг, тогда уже ему дышать будет нечем.

Сегодня уже как об историческом факте можно сказать: толстовство оказалось ложным, и, как всякая ложь, оно лишь породило дополнительное зло.

Иначе с Достоевским: его идеалы и сегодня истинны и светлы.

* * *

Я всегда был готов доказывать и доказать, что в «Селе Степанчикове и его обитателях» не содержится и тени пародии на «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и что повесть Ф.М. Достоевского никак нельзя причислять к пародийным, и уж тем более даже помысла быть не должно, что Фома Опискин — пародия на личность Гоголя.

«*Явился Фома Фомич к генералу Крахоткину, как приживальщик из хлеба — ни более, ни менее*». Вот таков Опискин. И Достоевский создает образ, каких, может быть, в русской литературе не было и нет. Это тип изумительной художественной обобщенности — приживальщик при благодушных дворянах, своеобразный предтеча Верховенского из «Бесов». Ну а какой при этом использован материал — дело десятое, хотя в любом случае пародия допустима и возможна. Но даже тогда — в середине XIX века — лично знавшие и помнившие Гоголя не могли, наверное, утверждать и не высказывали даже

предположений, что Опискин — пародия на Гоголя. Более того, о пародии и пародийности вообще не говорили добрых семьдесят лет, вплоть до Ю. Тынянова, который в 1921 году издал небольшую работу «Достоевский и Гоголь. К теории пародии», где и объявил о пародии на Гоголя и его «Выбранные места...».

Заглянем в Даля: «*Пародия — забавная переделка важного сочинения, смешное или насмешливое подражание; перелицовка, сочинение или представление наизнанку*». Понятно, «перелицовку» не заметить нельзя, и если «Село Степанчиково...» семьдесят лет не объявлялось перелицовкой, то, бесспорно, здесь случай особый.

Отношение Достоевского к Гоголю известно: «Женитьба», «Ревизор», «Мертвые души» — настольные книги Федора Михайловича... Любопытно, что и сам Достоевский с легкой руки Некрасова — «новый Гоголь». А между тем по делу Петрашевского в вину Достоевскому ставилось и чтение «Письма к Гоголю» Белинского, следовательно, и за Гоголя был он осужден на смертную казнь. Не все в «Выбранных местах...» нравилось Достоевскому, так что вслед за демократами он и Гоголя делил на раннего и позднего, «до болезни» и «после болезни».

Предположим, всё без исключения так. Могла ли появиться пародия на сочинение Гоголя? Наверное, да. Но если вспомнить, что книга была составлена и из частных писем, то о передергивании и перелицовке вряд ли правомерно говорить. Скорее, могла быть стилизация, а уж и того вероятнее — полемика, так чтимая писателями в XIX веке.

Вот и у Тынянова исследование ведется преимущественно по стилизации, какую, впрочем, можно найти у любой пары писателей, пишущих на одном языке.

«*Явно отмежевываясь от “типов” Гоголя, Достоевский пользуется его словесными и вещными масками; отдельные примеры я приводил; вот еще некоторые: имена с ин-*